

Се Жэнь обнял его за плечи:

— Так ты хотел послушать оперу! Пошли, я отведу тебя в Башню Пионов смотреть, как злой дух обращается в демона и творит хаос по всему свету.

Фэн Цяньсюэ, однако, не тронулся с места:

— Здесь тоже оперный театр.

— Театр-то театр, но ты посмотри на тех, кто сюда ходит! Сплошь седовласые старики. Где ты тут видишь кого-то нашего возраста? — Се Жэнь ни радоваться, ни плакать не мог. — Если бы не искал тебя, я бы и не знал, что в городе есть такое место.

— Вот и отлично, зайдём и посмотрим вместе, — ответил Фэн Цяньсюэ.

У Се Жэня аж зубы заныли:

— Тебе так невтерпёж послушать «Песнь о том, как Ма Лидэ обратился к добродетели»?

— Угу.

Мо Чи тихо посоветовал:

— Ладно тебе, А-Жэнь. Ты только что сжёг столько ценных вещей брата Фэна, уступи ему на этот раз. Ли Хуань, сходи за билетами.

— Ладно!

Се Жэнь беспомощно смотрел, как Ли Хуань возвращается с четырьмя билетами в кулаке. Голова у него уже раскалывалась, а уж когда они вошли в театр, разболелась ещё сильнее. Маленькая, полутёмная сценка; на столах не было даже семечек и бобов, ведь зубы у большинства местной публики оставляли желать лучшего, поэтому угощение заменили подносами с размякшими сладостями.

Четверо нашли свободный столик и сели. Представление уже началось. Ма Лидэ был добродетельным местным почтенным мужем, не ведавшим нужды ни в еде, ни в одежде. Поскольку о пропитании печься не приходилось, он обрёл новое хобби — убеждать соседей встать на путь праведный. Однако сосед его оказался нрава вспыльчивого: едва Ма Лидэ появлялся на пороге, тот сразу набрасывался на него с кулаками. Но Ма Лидэ, даже с разбитой головой, не сердился: подлечившись дома, он возвращался вновь. Так продолжалось более десятка актов, пока сосед наконец не проникся великодушием праведника, и оба они сошлись в рыданиях, обнявшись.

Ли Хуань и Мо Чи впервые в жизни смотрели настолько скучную пьесу. Оба были в шоке — что ж, в каком-то смысле это тоже расширило их кругозор. Повернувшись, они увидели, что у Се Жэня глаза подёрнулись слезами, а на лице застыло выражение полной безысходности. Казалось, он вот-вот отрубится от усталости, но при этом сидел выпрямившись, словно аршин проглотил: стоило ему попытаться прилечь на стол, как Фэн Цяньсюэ тут же щипал его за руку. Синяков на руке было уже не сосчитать, боль стояла невыносимая.

Едва представление закончилось и зрители стали расходиться, Ли Хуань и Мо Чи поспешно придумали предлог и дали дёру, ужасно боясь, что их заставят смотреть это снова. Всё равно дом сжёг не кто-то из них, за что им терпеть мучения за компанию?

Прощайте!

Се Жэнь лишь смотрел, как эта парочка уплетает ноги, на собственной шкуре ощутив смысл поговорки «когда приходит беда, каждый спасается сам». Сонливость как рукой сняло, зато Песнь о Ма Лидэ нанесла ему глубокую психологическую травму, и он поклялся до конца своих дней обходить это деревянное зданье седьмой дорогой.

Фэн Цяньсюэ тем временем вежливо интересовался у управляющего:

— А что будет в следующем акте?

Се Жэнь перепугался до смерти и тут же увлёк его прочь. На самом деле Фэн Цяньсюэ и сам находил представление невыразимо скучным — ему отчаянно хотелось перевернуть стол и оттузить актёров. Однако нравоучения о добродетели всё же были получше превращения свирепого духа в демона из Башни Пионов. По эффекту это напоминало «Сутру очищения сердца и постижения Дао» — главное тут благотворное влияние.

Тем временем по обе стороны улицы уже зажглись огни лавок.

Се Жэнь стоял на краю улицы и без особой надежды спросил:

— Брат Фэн, куда мы теперь?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Я отведу тебя на пир Синхэ.

Се Жэнь удивился:

— Пир Синхэ? Разве мы сможем туда проникнуть?

Фэн Цяньсюэ потянул его за рукав, и вместе они взмыли на мече в сияющую вышину небес:

— Со мной — сможем.

Ветер рассеивал клочья облаков, взметая пыльцу, мерцающую мягким светом.

Самыми влиятельными кланами в мире заклинателей были клан Фэн из города Иньюэ и клан Ци из города Цзиньсю.

Клан Фэн славился изысканной простотой и возвышенной чистотой. Хоть его адепты и жили в бренном мире, к ним не липла ни пылинка — они уподоблялись яркому серебряному месяцу, недостижимо реющему в вышине. Клан Ци, напротив, оправдывал название города Цзиньсю — Парчовый: в их поместье царило пышное, яркое веселье, непрестанно звучала божественная музыка, а гости пьянели без удержу. Каждого тридцатого числа третьего месяца в павильоне Синхуэй устраивали грандиозное празднество — тот самый пир Синхэ, знаменитый на весь мир заклинателей.

Павильон Синхуэй парил прямо в небесах. Более сотни белых журавлей несли на своих спинах более сотни изящных деревянных теремов. Они медленно и плавно кружили, то поднимаясь, то опускаясь. Сверкающие огни вдалеке казались россыпью звёзд на ночном небосводе. Звуки цитры, пение и жизнерадостный смех переплетались с ароматом вина, в котором, казалось, растворялось само отражение луны.

Девушка в синем одеянии стояла на спине журавля. С серебряным мечом на поясе и серебряным венцом на голове она должна была выглядеть статной и боевитой, однако её большие миндалевидные глаза от природы лучились влажным блеском. Когда она улыбалась, вся грозность улетучивалась, и казалось, будто она смотрит на возлюбленного:

— Молодой господин Фэн, сюда!

Се Жэнь наклонился к нему и спросил тихо:

— Кто эта красивая сестрица?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Ци Яньнин. Я дружу с её братом, Ци Яньанем.

Причём дружба их была крепкой — из тех, где знают друг друга вдоль и поперёк: несколько лет назад они вместе с мечами в руках уничтожили демона засухи. Впрочем, Ци Яньань не раскрыл сестре истинную личность высшего бессмертного Цюньюй, так что сейчас она принимала его лишь за благородного молодого господина из клана Фэн. Улыбнувшись, она произнесла:

— Мой брат застрял по делам в других краях и не успел вернуться, поэтому велел мне оказать вам приём... Ой, а разве гостей должно было быть не четверо?

Фэн Цяньсюэ отвесил поклон:

— Двое других не придут. Сказали, что пойдут есть лапшу с угрем.

Ци Яньнин изумлённо воскликнула:

— До чего же аппетитной должна быть эта лапша с угрем, раз ради неё они отказались от нашего пира?

Се Жэнь молча воззрился в пространство.

Тем временем в городе Чанцэ Мо Чи бросил палочки, обливаясь потом от остроты:

— Какая ядрёная штука! Зря только полдня в очереди простояли.

Ли Хуань спросил его:

— Так ты предпочитаешь есть лапшу с угрем или хочешь ещё разок послушать про Ма Лидэ?

Мо Чи тут же ответил:

— Так, давай продолжать есть лапшу.

Журавль подхватил Се Жэня и Фэн Цяньсюэ и, взмахнув крыльями, опустился перед самым высоким теремом.

Ци Яньнин пояснила:

— Об этом месте брат позаботился отдельно: чтобы было тихо посреди шума, с широким обзором и без помех. Устраивайтесь, господа, а я пойду проверю остальные места.

Фэн Цяньсюэ кивнул:

— Благодарю, девица Ци.

Служанки проводили их в терем и подали изысканные напитки и нектары. Фэн Цяньсюэ отдельно попросил небольшую пиалу османтусового мёда и медленно, нефритовой ложечкой, стал добавлять его в вино. Се Жэнь спросил:

— Брат Фэн, раз ты заранее всё устроил с пиром Синхэ, почему не сказал Ли Хуаню и Мо Чи?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Я собирался сказать, но они убежали слишком быстро.

Судя по всему, они ужасно хотели лапши с угрем — видимо, она и впрямь очень вкусная.

Се Жэнь сухо усмехнулся. «Что ж, логично. Не будь я должен тебе кучу денег, сам бы удрал».

Фэн Цяньсюэ протянул ему кубок:

— Это фруктовое вино.

Се Жэнь выпил всё до дна — на вкус оно было освежающим и умеренно сладким.

Блюда на пиру Синхэ были неизмеримо изысканнее и реже, чем в домике Дунсюэ на волшебном корабле. Клан Ци славился своей любовью к роскоши и на этом ежегодном пиршестве не желал ударить в грязь лицом. Румяные плоды лопались на зубах, взрываясь сладким ароматом и изобилуя духовной энергией.

— Хунлинлун, — произнёс Фэн Цяньсюэ. — Плодоносит лишь раз в сто восемьдесят лет.

Се Жэнь заметил:

— Неудивительно, что каждому досталось лишь по штучке.

Фэн Цяньсюэ спросил:

— Тебе нравится?

Се Жэнь невзначай ответил:

— Нравится.

Мгновение спустя перед ним стояла целая большая пиала с этими ягодами.

Се Жэнь лишился слов.

Ещё одно блюдо подавалось прямо в сердцевине пиона — нефриво-белая горошина с приятным кисло-сладким вкусом. Се Жэнь щёлкнул пальцем по лепестку:

— Настоящий цветок?

— Иллюзия, — ответил Фэн Цяньсюэ. — Скоро всё небо расцветёт летними цветами — и это тоже будет иллюзией.

В отличие от тёмных искусств Вэй Кунняня, иллюзионистом, украшавшим пир Синхэ, был довольно жизнерадостный старичок. У него не было амбиций творить нечто грандиозное: всю жизнь он со всей душой лишь создавал для хозяев сады пионов, звонкое пение птиц да пышные фейерверки. Се Жэнь опёрся на подоконник и с удовольствием наблюдал, как тени цветов взмывают к небу и кружатся по ветру. Десятки танцовщиц плавно двигались среди звёздного потока, взмахивая длинными рукавами — зрелище завораживало красотой.

Се Жэнь снова спросил:

— А что за беседка вон там, впереди?

Фэн Цяньсюэ ответил:

— Когда гости достаточно выпьют и насладятся музыкой, они отправляются в беседку вести беседы о прошлом и настоящем.

— Вести беседы о прошлом и настоящем? — Се Жэнь оживился. — Пойдём, тоже посмотрим!

Фэн Цяньсюэ предостерёг его:

— Посмотреть можно, но вмешиваться в разговор не смей.

— Не переживай! Гости клана Ци — сплошь именитые мастера. Я не стану молоть чушь и позорить тебя, — Се Жэнь отобрал у него кубок и потащил наружу.

В беседке уже собралось немало народу. Фэн Цяньсюэ и Се Жэнь заняли самое неприметное местечко. Надо же было такому случиться: в этот момент разговор зашёл о великой битве с демонами, произошедшей тысячу лет назад. У Се Жэня не было ни капли осознания того, что в нём живёт дух меча: он смаковал во рту плод хунлинлун, а затем высунул кончик языка и тихо спросил:

— Брат Фэн, брат Фэн, язык окрасился?

Фэн Цяньсюэ молча посмотрел на него.

Один из присутствующих вещал с важным видом:

— Вы только вспомните, насколько властным и зловещим был божественный меч Чжучжао! Он рассекал небеса и земли, круша всё на своём пути, и заставлял бесчисленных демонов содрогаться от одного лишь упоминания о нём!

Се Жэнь продолжал допытываться:

— Ну что, покраснел?

Фэн Цяньсюэ сжал его губы пальцами и тихо прошипел:

— Молчи.

Се Жэнь промычал:

— Ммм.

<http://bllate.org/book/18374/1766289>